

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 17.035 + 316.7 + 39 + 008

М. В. Капкан
Л. С. Лихачева

«ЮНОСТИ ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО»: ЭТИКЕТНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

В статье анализируются вопросы формирования этикета в российской культуре начала XVIII в. Используя идеи и подходы Н. Элиаса (идея изменения социального стандарта приличий), Ж. Ревеля (идея исторической трансформации границ публичного и частного пространства) и Р. Лакофф (различение вежливости как *civility* и *politeness*), авторы раскрывают специфику и новизну этикетных стандартов и моделей поведения, представленных в книге «Юности честное зеркало». Делается вывод о том, что развитие этикета в России происходило нелинейно и состояло в большей степени не в замене правил, но в трансформации их семантики и социокультурных функций.

Ключевые слова: этикет; приличия; «Юности честное зеркало»; «Домострой»; «Гражданство обычаев детских»; социокультурные новации; стандарты и модели поведения; российская культура XVIII в.; культура повседневности.

2017 год в России богат на юбилеи, связанные с поворотными моментами национальной истории. Однако рядом с годовщинами социально-политических событий остается почти незамеченной еще одна дата — трехсотлетие публикации книги «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению» [16]. Хотя масштаб трансформаций, вызванных ее появлением, значительно скромнее, чем революционные преобразования 1917 г., эта книга, несомненно, сыграла существенную роль в изменении российских нравов и формировании культуры поведения в российском обществе. В чем новизна этого сочинения для

КАПКАН Мария Владимировна — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (e-mail: m-kapkan@mail.ru).

ЛИХАЧЕВА Лилия Сергеевна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (e-mail: likhacheva08@rambler.ru).

© Капкан М. В., Лихачева Л. С., 2018

становления российской культуры приличий? Как оно повлияло на изменение этикетных стандартов и их социального и культурного статуса в России? Обладает ли оно сегодня культурным потенциалом или сохраняется исключительно в качестве «русского литературно-педагогического памятника начала XVIII в.», как пишут о нем многочисленные словари и энциклопедии? Поиску ответа на этот вопрос и посвящена данная статья.

Строго говоря, «Юности честное зеркало» не первая российская книга, в которой излагались правила приличий, но именно этот сборник стал своеобразным символом Петровских реформ в сфере повседневности. За ним закрепились репутация издания, кардинально изменившего нормы общественного поведения, и именно от него принято отсчитывать историю развития этикета в России. Но, несмотря на это, книга до сих пор остается во многом обделенной исследовательским вниманием. Как правило, о ней лишь упоминают в контексте истории развития педагогических идей или российского этикета. Причина того заключается, в частности, в несовершенстве текста с литературной точки зрения и простоте его содержания. Можно вспомнить слова В. О. Ключевского, назвавшего «Юности честное зеркало» «ничтожной немецкой книжонкой» [6, 231]. Сходные суждения появляются и в статьях современных исследователей. «Книга довольно жалкая... но полезная», — вторит Ключевскому С. Н. Земляной [4, 154]. Но подобные сочинения, как и другие образцы наставнической и рекомендательной литературы, редко бывают стилистически безукоризненны и наполнены серьезным философским содержанием, да и не в этом заключается их ценность. Гораздо более существенно, что в них зафиксированы изменения идеальных представлений о приличном поведении и реальных нравах эпохи.

Вместе с тем порой упускается из виду тот факт, что «Юности честному зеркалу» предшествовала не слишком богатая, но устойчивая традиция нравоучительных книг, таких как «Домострой» и «Гражданство обычаев детских», в которых внимание уделялось как моральным качествам личности, так и правилам пристойного поведения [2, 3]. А потому для понимания значения «Юности честного зеркала» для развития этикета в России необходимо выяснить, в чем заключается его новаторство по сравнению с книгами допетровской эпохи, обращавшимися к вопросам хороших манер.

Методологическая стратегия решения этой проблемы опирается на три ключевые идеи, восходящие к опыту анализа теории и истории этикета в социологии, исторической науке и лингвистике.

Первая идея подробно разработана в классическом исследовании Норберта Элиаса «О процессе цивилизации». Книги по этикету раскрывают *изменение социального стандарта приличий*, в котором наибольшее внимание уделяется контролю над спонтанными телесными проявлениями и аффективными эмоциональными реакциями. Круг правил и стиль изложения, по мысли Н. Элиаса, указывают на меру чувствительности общества к тем или иным явлениям телесности, привычность или неординарность определенных моделей поведения [14].

Второй идеей, позволяющей проанализировать направление и суть этикетных новаций и вписывающей их в контекст истории повседневности, является идея

исторической трансформации границ публичного и частного пространства, задаваемых пособиями по этикету. Одним из индикаторов этих трансформаций служит изменение представлений о том, что предназначено для чужого взгляда и делается напоказ, а что не следует демонстрировать посторонним. Так, согласно исследованию дидактической литературы, проведенному Жаном Ревелем, в европейской культуре XVI–XVIII вв. постепенно и нелинейно меняется как набор публичных социальных ритуалов, так и их форма [12]. Сходные процессы свойственны и российской культуре рассматриваемого периода.

Наконец, третья идея касается не столько социокультурного значения книг по этикету, сколько категории вежливости, и требует обращения к оппозиции *politeness/civility*, в которой воплощается разница между индивидуальным и социальным измерением вежливости. В русском языке это различие не столь очевидно на уровне дискурса (градация корректности и вежливости/любезности лишь приблизительно может быть сопоставлена со смысловыми нюансами, скрывающимися за английскими вербальными обозначениями), но вполне ощутимо на уровне идей и практик. Культурное значение этой оппозиции проясняется, если обратиться к ее негативному варианту *impoliteness/incivility*, что и делает американский лингвист Робин Лакофф. Согласно ее наблюдениям, в обоих случаях подразумевается нарушение устоявшегося порядка, но в первом случае невежливое поведение расценивается как издержки воспитания и неумение себя сдерживать, свойственные конкретному человеку, во втором — как высшая степень конфликтности общества, чреватая нестабильностью [17, 36–43]. Соответственно, обучение вежливости позволяет, с одной стороны, социализировать отдельного индивида, а с другой — утвердить правила этикета в качестве способа социального контроля. Хотя эти аспекты вежливости связаны отношениями комплементарности, в различные исторические периоды на первый план выходят разные задачи обучения хорошим манерам. Этикет то становится частью символического капитала и условием личного успеха, то важным элементом социальной и культурной политики, социальным регулятором. Следовательно, анализ пособий по этикету позволяет проследить изменения в социальном и культурном статусе приличий.

«Юности честное зерцало» и его предшественники объединены рядом общих черт как на уровне формы и способа бытования, так и с точки зрения содержания. Несмотря на значительные временные дистанции, отделяющие эти книги друг от друга, в них в равной степени ослаблено авторское начало. Не случайно для каждой из этих книг вопрос об авторе текста во многом остается дискуссионным. Это вполне предсказуемо в случае «Домостроя», но достаточно неожиданно для более поздних текстов, созданных в периоды значительно большей авторской активности. Здесь же автор выступает преимущественно как составитель, толкователь, а авторская концепция проявляется в основном в отборе правил. Таким образом, каждая книга отражает традиционные коллективные представления о хороших манерах, пусть даже источники этих традиций могут различаться. Можно сказать, что анализируемые тексты опираются на авторитет не автора, а традиции или власти.

Если обратиться к содержанию книг, то можно заметить, что во всех трех текстах собственно этикетные правила соседствуют с моральными наставлениями. Более того, сами «технологии поведения», т. е. конкретные алгоритмы действия в определенных ситуациях, зачастую отходят на второй план. Граница между этикетом и моралью размыта, и уместно говорить о своего рода этико-эстетическом синкретизме, отраженном в данных текстах. Так, например, в «Гражданстве обычаев детских» обоснованием того или иного требования часто служит указание на то, что его нарушение свойственно «гнусным людям». Этикет выступает не столько в качестве самостоятельной характеристики поведения (хотя отдельные правила, приводимые в книгах, описывают последовательность действий, которая должна быть доведена до автоматизма в соответствующих случаях и при этом не служит критерием оценки нравственных качеств личности), сколько как предпочтительный способ оформления моральных добродетелей.

Кроме того, при сравнении трех книг обнаруживается устойчивый набор этикетных ситуаций¹, которым уделяется особое внимание, своего рода этикетный инвариант, который с некоторыми модификациями воспроизводится во всех анализируемых текстах. Во-первых, это ситуация общения с людьми более высокого социального статуса. При этом в «Домострое» основными носителями этого статуса выступают царь, представители духовенства и родители, в «Гражданстве обычаев детских» — старшие по возрасту, а «Юности честное зеркало» сосредоточивается преимущественно на отношении к родителям и старшим по службе. Во-вторых, для всех выбранных дидактических произведений значима ситуация поведения в церкви, как одна из основных ситуаций публичного поведения. Хотя от «Домостроя» к «Юности честному зеркалу» прослеживается постепенное оттеснение ее на периферию этикетных рекомендаций, она все равно сохраняется в структуре всех этих книг. Далее, подробно рассматривается ситуация поведения за столом — наиболее сложная технологически и наиболее вариативная с точки зрения конкретных правил. Наконец, еще одна этикетная ситуация, которая так или иначе представлена во всех текстах, — это ситуация общения с чужими людьми.

Все это позволяет говорить об «отсутствии кардинального культурного разрыва» между этими текстами [1, 113]. Они написаны в едином жанре поучений, отражают ценности патриархального общества. И как точно заметил Ж. Ревель, «...все трактаты такого рода преследовали педагогические цели и были объединены желанием научить правильным манерам. Но эта задача выполнялась разными способами, в зависимости от того статуса, который они придавали своим правилам, от их предполагаемой аудитории, от предлагаемых форм обучения» [12, 192], а также в зависимости от характера этикета и его роли в жизни общества.

Одним из основных факторов трансформации этикетных норм служит изменение социального стандарта. Согласно концепции Н. Элиаса, европейская история

---

¹ Под этикетной ситуацией понимается «совокупность событий (обстоятельств), протекающих в определенных условиях места и времени, в которых индивиды, вступающие в социокультурное взаимодействие, различаются по статусным признакам и выстраивают взаимодействие с учетом этих различий на базе определенных норм и ценностей» [9, 94–95].

хороших манер развивалась по пути «цивизованности», т. е. превращения «социального принуждения в самопринуждение, в автоматически действующие и привычные регулировку влечений и сдерживание аффектов» [14, т. 2, 257]. Проявлениями процесса цивилизации служат рационализация поведения, формирование чувства стыда («моделирование влечений», в терминологии Н. Элиаса) и усиление контроля над собственным телом в сочетании с усилением чувствительности к чужим телесным проявлениям.

С этой точки зрения «Юности честное зеркало» близко европейским изданиям подобной тематики, написанным в сходных социокультурных условиях. В нем также изложены базовые нормы гигиены и правила поведения за столом, содержатся прямые запреты на свободу телесных проявлений. В частности, накладываются ограничения на плевание, сморкание, громкий смех в публичных местах: «...когда въ беседе, или въ компании случится въ кругу стоять, или сидя при столе, или между собою разговаривая, или съ кемъ тонцуя, не надлежитъ ни кому не приличнымъ образомъ въ кругъ плевать, но на сторону. А ежели въ каморе, где много людей, то прими харкотины въ платокъ, а такъ невежливымъ образомъ въ каморе, или въ церкви не мечи на полъ, чтобъ другимъ отъ того незгадить, или отъиди для того къ стороне... дабы никто невидаль, и подотри ногами такъ чисто, какъ можно» [16, 36–37]. Подробное красочное описание запрещенных форм поведения указывает на их распространенность и на низкий уровень чувствительности к ним.

Однако насколько новы были эти запреты для российской культуры? Обратимся к более ранним дидактическим текстам. В «Домострое» вопросы телесности преимущественно обходятся молчанием. Исключение сделано лишь для поведения в церкви. В остальном же этикет телесных проявлений сводится к требованию чистоты. Но уже в «Гражданстве обычаев детских» вопросы телесного самоконтроля оказываются центральной темой. С них начинается список поучений, и к ним автор многократно возвращается на протяжении всей книги. Детально регламентируются взгляды, выражение лица, поза, походка человека. В частности, даются ответы на вопросы «Каковымъ оубо бровемъ быти приличествуеть?», «Каковы имуть быти ноздри?», «Какова имать быти выя?» [2, 35, 39] и др., исчерпывающе характеризующие все нюансы владения собственным телом. Столь же подробно описывается поведение за столом: правила поведения по отношению к сотрапезникам, способы обращения с пищей, контроль над телесными проявлениями (например, требование воздерживаться от пьянства и запрет вынимать изо рта полупрожеванную пищу). По сравнению с этими предписаниями «Юности честное зеркало» выглядит кратким упрощенным конспектом наиболее существенных правил.

Более того, стиль изложения книги XVIII в. обнаруживает меньшую деликатность и чувствительность к темам телесных проявлений, нежели тексты «Домостроя» и «Гражданства обычаев детских», демонстрирующие известную осторожность при обсуждении подобных предметов. В этом смысле этикетные наставления Петровской эпохи представляют собой шаг назад по сравнению со стандартом приличного поведения, утвердившимся в России полутора веками

ранее. Впрочем, эти колебания сложно назвать существенными. Во всех случаях разговор о сморкании и плевании представляется вполне естественным и не вызывает чувства неловкости или стыда.

Однако если сам свод правил не претерпевает особых изменений в сторону увеличения «цивилизованности», то способы контроля за их выполнением в «Юности честном зеркале» отличаются от предшествующих.

Вспомним, что подготовленная по прямому указу Петра I книга была призвана изменить «архаичные» нравы и привычки (социальные стандарты взаимодействия) и способствовать формированию новой дворянской культуры. Именно дворянство должно было стать той пилотной группой, которая вслед за самим Петром I задавала бы образцы поведения, ориентированные на ценности европейского общества. Однако, как было показано выше, в сфере приличий новые требования не слишком разнились с уже утвердившимися в российской культуре. А потому возникала необходимость присвоить этим нормам новые символические значения. Эта цель была достигнута двумя способами. Во-первых, переосмысливается значение соблюдения правил. На смену идее упомянутого этико-этикетного синкретизма («неприлично, ибо безнравственно») приходит представление о том, что нарушение приличий вызывает неприятные чувства у окружающих. Во-вторых, в «Юности честном зеркале» меняется адресат наставлений. «Домострой» адресовался всему обществу, а его правила были общими для всех социально-культурных групп. В «Гражданстве обычаев детских» адресат определен более четко — образованное юношество. «Юности честное зеркало» же обращено не только к юношам, но и девушкам («девицам»), причем — и это существенное уточнение — дворянского сословия. Таким образом, в этой книге, в отличие от предшествующих образцов назидательной литературы, появляется конкретный адресат — молодые дворяне обоих полов. Иными словами, меняется не столько стандарт поведения в обществе, сколько целевая аудитория этого стандарта.

Конкретизация адресата приводит к возрастанию роли этикета как инструмента социальной дифференциации. Безусловно, и до «Юности честного зеркала» соблюдение приличий определенным образом маркировало человека. «Домострой» дает оценку невежливым людям с точки зрения их добродетельности, а «Гражданство обычаев детских» осуждает некоторые привычки как «поселянские». Но в последнем манеры невоспитанного человека чаще сравниваются с повадками животных; отмечается, что такое поведение подобает «псомъ и кошкамъ», «конемъ баскимъ ярящимся» и т. п. [2, 39], а не человеку. Иными словами, соблюдение правил этикета не свидетельствует о принадлежности к той или иной социальной группе, но считается общечеловеческим свойством, а потому обязательно для любого индивида вне зависимости от его статуса. Следование приличиям либо их нарушение до появления «Юности честного зеркала» позволяло дифференцировать людей по нравственным качествам: поспание описываемых правил поведения свойственно «кошунникомъ, смешникомъ, ругателемъ» [2, 36] в противовес «добрым людям». В сочинении же XVIII в. впервые отчетливо проявляется идентификационная функция этикета: нарушающий правила уподобляется

в тексте «Зеркала» мужику, крестьянину («Надь ествою не чавкай, какъ свиния, и головы не чеши, не проглотя куска не говори, ибо такъ делаютъ крестьяне» [16, 42]), т. е. символически исключается из дворянской среды.

Изменения социального стандарта, дифференциация контроля и становление этикета как инструмента идентификации влекут за собой и переопределение границ приватного и публичного. Для предшествующих книг оппозиция публичного и приватного в сфере приличий не была определяющей. В «Домострое», где «самый мир рисуется как замкнутое пространство “дома”» [7, 12], регламентация поведения касалась в основном семейных отношений. Общение ограничивалось бытовой, хозяйственно-экономической и религиозной сферами, а потому свойством публичности обладали лишь ситуации поведения в церкви и отчасти застолья. «Гражданство обычаев детских» уже учитывает наличие определенной аудитории, перед которой, пользуясь метафорой Э. Гоффмана, разыгрывается спектакль повседневных взаимодействий. В «Юности честном зерцале» границы публичной сферы этикета расширяются. Культурные реформы Петра I, как известно, предполагали среди прочего приобщение молодых российских дворян и дворянок к новым формам публичности. В результате возникают новые формы общения людей и, следовательно, потребность в новых нормах, призванных регулировать эти новые культурные практики. Таким образом, расширяется сфера публичных взаимодействий, и эта ситуация потребовала изменения стандартов поведения, которые и зафиксированы в новом сочинении о манерах.

Во-первых, текст «Зеркала» задает образцы новых статусных отношений (гендерных, межклассовых, межвозрастных и др.) как основу этикетных моделей поведения прежде всего для юношей. В предшествующих книгах они касались преимущественно отношений к родителям, старшим родственникам и представителям духовенства. В этой же книге сфера применения данных моделей расширяется и включает также следующие отношения:

— с людьми более высокого статуса и людьми, принимаемыми при дворе: «Имеють младыя отроки всегда началствующиъ своихъ какъ при дворе, такъ и вне двора, въ великомъ почтении и чести содержать, подобно какъ сами себе хотять, чтобъ они въ такой службѣ превознесены были. Ибо честь какову они ныне онымъ показываютъ, со временемъ и имъ такаяжъ показана будетъ» [16, 24];

— со знакомыми и незнакомыми на улице: «Никто не имеетъ повеся голову и потупя глаза внизъ по улице ходить, или на людеи косо взглядовать, но прямо а не согнувшись ступать, и голову держать пряможъ, а на людеи глядеть весело и приятно съ благообразнымъ постоянствомъ, чтобъ не сказали: онъ лукаво на людеи смотреть» [Там же, 32–33];

— со слугами и людьми низкого положения: «Младыя отроки должны всегда между собою говорить иностранными языки, дабы темъ навыкнуть могли; а особливо когда имъ что тайное говорить случится, чтобъ слуги и служанки дознатся не могли, и чтобъ можно ихъ отъ другихъ не знающихъ болвановъ разпознать...» [Там же, 18–19]; «слугамъ своимъ и челядинцамъ не должно давать злаго прикладу... но держать ихъ въ страсе, и болше двухъ кратъ, вины не спущать, но выгнать изъ дому...» [Там же, 33]; и др.

Во-вторых, приобретая публичный характер, ряд этикетных действий формализуется, а порой и ритуализируется. По сравнению с «Гражданством обычаев детских» набор самих действий, выполняемых напоказ, остается почти неизменным, но трансформируется соотношение формы и содержания этикетного поведения. Отныне недостаточно просто доброго намерения — оно должно быть явлено соответствующим образом. Общественного порицания или одобрения удостоивается не содержание поступка, но его оформление и соответствие ситуации. Отсюда такие правила, как: «...стретившаго на три шага не дошедь, и шляпу приятнымъ образомъ снявъ, а не мимо прошедши назадъ оглядоваясь поздравлять» [16, 15]; «когда при дворе, или въ другихъ делахъ явитца надлежитъ, то должно въ такихъ церемонияхъ, въ которыхъ напредь того не бывали и не учивались, прилежно присматривать, какъ въ томъ те поступаютъ, которымъ оное дело приказано, и примечать, похваляютъ ли ихъ или хулятъ, и хорошоль они въ томъ поступали или плохо» [Там же, 24–25].

Наконец, самым существенным индикатором изменений в представлениях о публичном и приватном служит появление указаний на поведение женщины в сфере публичного общения. Женщина традиционно была ограничена пространством приватного общения. Более того, если в «Домострое» она упоминается лишь в различных социальных ролях, выполняемых по отношению к другим членам семьи, то в «Гражданстве обычаев детских» отсутствует даже упоминание каких-либо правил поведения для представительниц женского пола. С этой точки зрения «Юности честное зеркало», впервые разрабатывая гендерный аспект наставлений, представляет собой новый этап в развитии российского этикета. Начинают формироваться новые гендерные роли, модели поведения и отношения. Женщина предстает как самостоятельный субъект этикетных взаимодействий, пусть даже активность этого субъекта ограничена. Правила адресованы не хозяйке, жене, матери, невесте, а молодой незамужней женщине безотносительно к ее положению в домохозяйстве.

Однако в правилах, адресованных девушкам, пересмотр границ публичного и приватного пространства осуществлялся непоследовательно и в меньших масштабах, нежели в части «Зеркала», предназначенной для юношей. В разделах книги, посвященных девицам, представляемая модель поведения по большей части все же вполне традиционна. Здесь еще нет этикетных норм ухаживания, куртуазности, характерных для европейского общества этого периода. В целом требования приличий, сформулированные в «Юности честном зеркале», касаются трех сфер отношений молодой дворянки: с Богом, с родителями и мужчинами. И в каждой из них в качестве ценностных доминант определены христианские добродетели: «любовь к слову Божию», «истинное познание Бога и слова его», «страх гнева Божьего», «смирение и почитание родителей», стыдливость, услужливость, воздержанность, молчаливость, целомудрие, смирение и др., которые составляют основу девичьей чести.

Вместе с тем для девушек появляются правила приветливости с посторонними людьми: «Съ чуждымъ говорить учтиво, отвечать ласково, другихъ охотно слушать, и всякое доброжелательство показывать въ поступкахъ, словахъ,

и делах...» [16, 57]. Оговариваются требования приличий к одежде и походке: «Когда девица въ церковь, на торгъ, въ гости или на свадьбу идетъ, надлежитъ и въ походке остерегаться... Ноги ступающія гордо, не любятъ благочинства, ибо можетъ въ такой походке, и резвость быть» [Там же, 71]; «...по платью такожде примечается, что въ комъ есть благочинства, или неискusstва: легкомысленная бо одежда, которая бываетъ zelo тщеславна, и выше меры состоянія своего, показуесть легкомысленной нравъ» [Там же, 71–72]. Приводятся в тексте и антиобразцы девичьего поведения, например, слишком вольное женское обращение в обществе мужчин: «Не порядочная девица со всякимъ смеется, и разговариваетъ, бегаесть по причиннымъ местамъ, и улицамъ розиня пазухи, садится къ другимъ молодцамъ, и мущинамъ, толкаетъ локтями, а смирно не сидитъ, но поетъ блудныя песни, веселитца и напивается пьяна, скачетъ по столамъ, и скамьямъ, даетъ себя по всемъ угламъ таскать, и волочить...» [Там же, 68–69].

Таким образом, новые границы публичных и частных этикетных норм оказываются соразмерны своему времени и той социальной структуре, которая складывается в обществе. Хотя, как отмечает В. В. Глебкин, нормы христианской морали в тексте «Юности честного зеркала» перестают быть определяющими, «уступая свое место кодексу чести дворянина (человек — в первую очередь дворянин и лишь потом христианин), тогда как в Домострое картина была обратной (сословная честь была подчинена христианским нормам)» [1, 111], эти изменения проявились по большей части в отношении юношей.

Все эти частные изменения неразрывно связаны с более масштабной трансформацией — переосмыслением значения этикета. И здесь необходимо обратиться к уже упоминавшейся оппозиции *civility/politeness*, т. е. вежливости как противоположности грубости и вежливости как обученности манерам [17, 1–20]. Первая связывается в большей степени с ролью этикета в поддержании социального порядка, вторая — с индивидуальным принятием правил приличия.

«Домострой» утверждает *civility*, т. е. социальный аспект воспитанности, значимость соблюдения установленных правил поведения для сохранения общественного порядка и шире — миропорядка. Не случайно «авторитет прошлого — единственное, что соединяет все источники Домостроя в общей его этикетности» [7, 12]. В «Домострое», как пишет В. Колесов, «нет намеренного сочинительства» [Там же, 8]. То есть фактически в нем представлены те правила, которые сложились в то время в культурной среде российского общества под влияние традиций, обычаев, религиозных установок как «нормальные», «одобряемые обществом» формы поведения. Собрано и описано то, что реально принималось или отвергалось на уровне нравов людей, их привычного поведения, традиций; те самые «правила совместного существования», которые «разрабатываются в процессе бесконечного коллективного саморефлексиования» [12, 222]. Иначе говоря, в «Домострое» как раз и были отрефлексированы те культурные практики, которые уже сложились и стали восприниматься как нормы.

В «Гражданстве обычаев детских» зафиксирована принципиально иная ситуация. В нем практически нет упоминаний об общесоциальной ценности соблюдения приличий, акцент сделан на индивидуальной воспитанности, которая, однако,

рассматривается в ряду нравственных добродетелей. Тем самым хорошие манеры трактуются как свойство человека, достигаемое в результате воспитания.

«Юности честное зеркало» парадоксальным образом объединяет две предыдущие концепции. С одной стороны, в книге утверждается примат общественного служения над семейным долгом, что на первый взгляд недвусмысленно свидетельствует о преодолении incivility и о возрастании роли этикета как способа поддержания социального порядка. При этом важно, что сам порядок утверждается как бы вопреки русским традициям — «по-европейски». И среди многих революционных преобразований быта, осуществленных Петром I, правила повседневного этикета, как мы видим, оказались в наибольшей степени связаны с привычными требованиями должного поведения, зафиксированными в более ранних образцах дидактической литературы, что и позволяло использовать его (этикет) в качестве механизма социальной регуляции. Ведь известно, что в морали и этикете, как неинституциональных формах социальной регуляции, сначала должно произойти складывание и осознание новых форм отношения людей друг к другу, их поведения как чего-то «нормального» и лишь затем закрепление этих форм в повторяющихся поведенческих практиках². Тогда они становятся нормой в данной культурной среде.

Но с другой стороны, в «Юности честном зеркале» впервые в российской культуре хорошие манеры предстают не просто как результат целенаправленного обучения, но и как элемент индивидуального символического капитала. В тексте «Зеркала» появляются требования (критерии) к человеку, претендующему быть истинным придворным. Этому вопросу посвящены пункты 18, 19 и 20. В них нашли отражение те качества, которые воплощались в личностном образце эпохи позднего европейского Средневековья — образце «совершенного придворного». Этот образец был наиболее полно представлен в трактатах Б. Кастильоне «Придворный» и Дж. делла Каза «Галатео, или Книга хороших манер».

Вместе с тем европейский идеальный придворный представлял собой не только образец рыцарских доблестей, но прежде всего творчески одаренную (поэтически и музыкально), гармоничную личность, воплощение грации, внешней красоты и эстетического совершенства. «Я хочу, — говорится в тексте Б. Кастильоне, — чтобы Придворный... помимо благородного происхождения имел бы от природы не только ум, красивую осанку и лицо, но и некую грацию, и, как говорят, породу, что с первого взгляда делало бы его приятным и любезным всякому» [5, 495]. И далее: «Придворный должен в свои действия, жесты, повадки, словом, во всякий свой поступок вносить грацию, и ее, мне сдается, вы рассматриваете в качестве универсальной приправы, без которой остальные свойства и добрые качества будут стоить немного» [Там же, 505].

В представленном же в «Юности честном зеркале» личностном образце придворного при общих необходимых качествах — образованности, знании языков, умении фехтовать, ездить на коне, танцевать — акценты расставлены несколько иначе. Подчеркивается важность не только образованности, но ума и даже

² См. подробнее: [10].

определенной хитрости в достижении целей. Особо оговаривается ценность смелости и отваги, причем не в военном деле, а на гражданской (придворной) службе: «...придворный человекъ имеетъ быть смель, отважень, и не робокъ... И возможесть о своемъ деле самъ предъявлять, и доносить, а на другихъ не имеетъ надеяться. Ибо где можно такого найти, которы бы могъ кому такъ верень быть, как самъ себе» [16, 13–14]. Важно подчеркнуть и то, что в отличие от поведения девиц робость и стыдливость не рассматриваются здесь как добродетели: «Кто при дворе стыдливъ бываетъ, оныи съ порожними руками отъ двора отходить, ибо когда кто господину верно служить, то надобна ему верная и надежная награда» [Там же, 14]. В «Зерцале» одобряется скорее не куртуазное поведение, а деловые прагматичные нравы, соответствующие требованиям государственной службы. И в этом также прослеживается формирование отношения к приличиям и хорошим манерам как к символическому капиталу, способному обеспечить индивиду более высокое социальное положение.

Таким образом, подводя итоги сказанному, можно сделать ряд выводов и обобщений.

Этикет в России XVI–XVIII вв. развивался нелинейно. Суть его эволюции в этот период заключается не столько в появлении принципиально новых правил приличия и отмене прежних поведенческих образцов, сколько в трансформации семантики этих правил, смене ценностных доминант и расширении круга функций, выполняемых этикетом.

«Юности честное зеркало» представляет собой вариант властного насаждения этикета. Но это насаждение внесло новый порядок в традиционные нравы, обеспечив тем самым основу для развития российской культуры приличий. Формирующийся в России двор и придворные правила превратили «видимость в закон общественной жизни» [12, 223].

Безусловной новацией книги является пересмотр границ приватного и публичного в сторону расширения сферы публичного. Причем в наибольшей степени это коснулось стандартов мужского поведения. Стандарты же публичного поведения для женщин только начинают формироваться. Хотя самих правил в тексте еще немного, но примечательно уже то, что женщина становится субъектом не только приватной, но и публичной сфер.

Контроль над физиологическими проявлениями в «Юности честном зеркале» остается на прежнем уровне по сравнению с предшествующими текстами, что свидетельствует об относительной неизменности чувствительности общества к телесным аффектам. Однако способы контроля над поведением дифференцируются. Усиливается контроль за нравами молодежи дворянского сословия и происходит переосмысление значения этих правил: «неприлично, ибо безнравственно» трансформируется в принцип «неприлично, ибо неприятно собеседнику». Можно зафиксировать возрастание роли этикета как инструмента социальной дифференциации и одновременно — социальной идентификации и отделения «своих» (дворян, придворных) от «чужих» (прислуги, крестьян и пр.). Этикет становится своего рода элитарной культурой, знаком принадлежности к этой культуре и особым способом социально-культурной идентификации и самоидентификации личности. Было

создано ценностно-идеологическое обоснование возможности и необходимости интеграции со «своими» и дифференциации, разобщения с «чужими».

Этикет всегда есть отражение социальной структуры общества и тех способов коммуникации, которые для него характерны. Поэтому он призван решать те задачи, которые наиболее востребованы этим обществом. Задача «Юности честного зеркала», в отличие от предшествующих изданий, заключалась не просто в просвещении юношества, а в подготовке молодых российских дворян к решению тех государственных задач, которые ставили Петровские реформы, в частности налаживанию деловых и дипломатических коммуникаций с европейскими странами. В этом смысле этикет в России обретает статус символического капитала, благодаря которому юноша дворянин мог продвинуться по карьерной лестнице, обрести благосклонность государя при дворе, получить иные дивиденды. Этикетные стандарты и модели поведения, представленные в «Юности честном зеркале», выступили культурно-конвенциональной формой регуляции межличностных отношений. Они позволили обеспечить культурные (символические) механизмы интеграции дворянства как социальной группы в некую субкультуру, отделив ее внешне от всех других, придавая представителям этой группы особые отличительные признаки — знаки этикетного поведения (особую манеру беседовать, приветствовать друг друга, вести себя за столом и т. д.). В обществе был создан некий «символический порядок» (П. Бурдьё).

Текст «Юности честного зеркала», безусловно, представлял собой некую компиляцию западноевропейских источников, но все же изложенные в книге правила во многом были связаны отношениями преемственности с российской традицией приличий. В этом смысле российская культура, в том числе культура приличий, не была полностью заимствованной у Запада. Эту мысль удачно выразил А. И. Панченко: «Петр I и его сподвижники учились языку европейской постренессансной культуры и говорили на нем, хотя с сильным русским акцентом» [11, 136].

Правила, изложенные в «Юности честном зеркале», в большинстве своем сохраняют свой смысл и значение в современной культуре. История этикета, как и история культуры в целом, — это «не только история изменений, но и история накопления ценностей, остающихся живыми и действенными элементами культуры в последующем развитии» [8, 5]. И это свидетельство того, что «Юности честное зеркало» и через 300 лет представляет собой не застывший памятник культуры прошлого, а живой источник, к которому восходят современные правила хорошего тона и который продолжает оставаться актуальным и интересным в исследовательском плане. Э. Сепир писал: «Прошлое представляет интерес для культуры только тогда, когда оно по-прежнему является настоящим или может еще стать будущим» [13, 485]. «Юности честное зеркало» — это убедительный пример такого прошлого.

---

1. Глебкин В. В. От христианина к дворянину: системы базовых ценностей «Домостроя» и «Юности честного зеркала» // Россия XXI. 2013. № 4. С. 96–113.

2. Гражданство обычаев детских // Буш В. В. Памятники старинного русского воспитания: (К истории древнерусской письменности и культуры). Пг., 1918. С. 33–57.
3. Домострой / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Колесова. М., 1990. 304 с.
4. *Земляной С. Н.* Онтология и этика светскости: (О жизни света и светской жизни в Европе и России) // Этическая мысль. 2003. № 4. С. 145–160.
5. *Кастильоне Б.* О придворном // Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: быт, нравы, идеалы. М., 1996. С. 469–547.
6. *Ключевский В. О.* Сочинения : в 9 т. М., 1989. Т. 4. 399 с.
7. *Колесов В. В.* Домострой без домостроевщины // Домострой / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Колесова. М., 1990. С. 5–24.
8. *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII вв.: эпохи и стили. Л., 1973. 254 с.
9. *Лихачева Л. С.* Этикет в социальном взаимодействии: полипарадигмальный подход. Екатеринбург, 2000. 156 с.
10. Нравы как социально-культурный феномен: проблема модернизации в современной России : моногр. / [науч. ред. Л. С. Лихачева]. Екатеринбург, 2013. 288 с.
11. *Панченко А. И.* Русская культура в канун Петровских реформ. Л. : Наука, 1984. 205 с.
12. *Ревель Ж.* Применение вежества // История частной жизни / под общ. ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. Т. 3 : От Ренессанса до эпохи Просвещения / под ред. Р. Шартье. М., 2016. 720 с.
13. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. 656 с.
14. *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования : в 2 т. М. ; СПб., 2001.
15. *Элиас Н.* Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. 368 с.
16. Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению [репринт. изд. с факсим. изд. 1976 г.]. М., 1990. 88 с.
17. Broadening the Horizon of Linguistic Politeness / ed. by R. T. Lakoff and S. Ide. Amsterdam, 2005. 344 p.

Статья поступила в редакцию 25.09.2017 г.